

Поиски трупа заняли у меня как минимум несколько месяцев.

Нет, я не разрывала курганы и могилы, не лазила по свалкам и старым подвалам, не посещала морги, не прочесывала заросшие пруды и разные там заброшенные водоемы. Искала я столь необходимый мне труп в собственном воображении, в рассказах и пересудах знакомых и незнакомых мне людей и, разумеется, в средствах массовой информации, которые с таким наслаждением потчуют нас всевозможными ужасами и просто заваливают всяческими трупами. А мне ни один не подходил, потому как требовался не первый попавшийся, а, так сказать, элитарный. Простые владельцы громадных состояний, мафиози и прочие уголовники меня не устраивали, ибо не укладывались в разработанные мною мотивы, в силу которых данный персонаж и был убит, став трупом.

Именно такого персонажа от меня требовала Марта.

Марта работала на телевидении. Это ей пришлось в голову создать некий потрясающий телесериал, и она уговорила меня взяться за столь грязное дело. Взялась я с неохотой, ведь телевидение — область

для меня совершенно чуждая. Марта успокоилась. Писать будем вместе, все телевизионные реплики она берет на себя, мое дело — детективный сюжет. В совместном сценарии мы намеревались ярко и убедительно вскрыть закулисную сторону кошмарных телевизионных интриг. Марта, будучи режиссером, сама собиралась снимать и ставить наш сериал, и я всячески поддерживала ее в этом стремлении. Ну и нам не хватало трупов. Убить какую-нибудь телезвезду, популярного телеведущего или режиссера вроде Деленга, Нины Терентьев или Вайды¹ мы не решались, к ним, впрочем, мои мотивы тоже не подходили. А кроме того, красавчик Деленг нам требовался во всех сериях, глупо было убивать его в самом начале, попробуй найди второго такого, симпатичного, молодого и легкомысленного, из-за которого бабы были готовы

¹ На протяжении всего романа автор упоминает известных польскому читателю деятелей культуры, политиков, гангстеров, бизнесменов и прочих знаменитостей начала 2000-х годов, имена большинства из которых нашему читателю наверняка ни о чем не говорят, однако каждый раз давать сноски и пояснять, кто есть кто, считаю излишним и нецелесообразным.

И это будет чуть ли не единственное примечание переводчика.

перегрызть глотки друг дружке. Сейчас я говорю в переносном смысле. А в нашем сериале, кроме закулисных телевизионных интриг, вовсю бурлили страсти, похлеще, чем в венесуэльских мыльных операх. Любовные перипетии тянулись спиралями и серпантинами из серии в серию, с красавцами же и красавицами в Польше напряженка, в отличие от Венесуэлы.

Итак, задуман был сериал, которому и в подметки не годились всевозможные «Рабыни Изауры», «Санты-Барбары» и прочие «Кланы». Первоначально погрязший в социальных вопросах и любовных хитросплетениях, наш сериал медленно, но верно превращался в детектив, вытесняя все прочее на второй план. Несомненно, это происходило по моей вине, поскольку с преступлениями я давно сроднилась, а социальная проблематика нашего телевидения для меня — темный лес. Такие метаморфозы Марта всячески поощряла.

Да и то сказать, мы взяли неплохой темп, каждая серия получалась завлекательной, дамско-мужские интриги с ходу увлекали, а служебные, известные Марте и отраженные в сериале, и вовсе захватывали дух. У нас уже довольно ясно вырисовывались мотивы преступления, а трупа все не было.

Труп, ясное дело, Марта требовала от меня, я и не отпиралась, что трупы по моей части: ведь детектив без убийства не слишком завлекателен. Только вот где же мне взять подходящую жертву?

Об этом я и думала, сидя у себя на кухне и пытаясь одновременно читать корректуру, присматривать за кипящими макаронами и еще краем уха слушать радио — вдруг ненароком упомянут о каком-нибудь подходящем для нас убийстве. Еще я ожидала звонка из какого-то журнала. Меня попросили авторизовать мое собственное интервью, и я согласилась, ведь из всех авторизаций эта была наименее трудоемкой и во всех отношениях логичной.

Телефон, спасибо ему, зазвонил после того, как я покончила с макаронами.

В трубке я услышала голос Аниты, моей давней приятельницы, еще со времен Дании. У нее была служебная командировка, ехала она из Стокгольма в Копенгаген почему-то через Варшаву, ну, так получилось, и очень хотела увидеться со мной. Я очень обрадовалась возможности встретиться. И хотя мы обе были кошмарно заняты, поднапрягшись, все-таки выкроили время для короткой встречи в гостинице, где она остановилась. Ко мне она приехать не могла, поскольку ей срочно надо было вымыть

голову. Зная Аниту, я не стала возражать, она никогда не доверяла парикмахерам и считала, что ни один из них не способен сделать ей прическу к лицу; такие уж волосы, что с ними может справиться лишь только она сама, руководствуясь многолетним опытом. Поскольку я сама всю жизнь мучилась с волосами, то прекрасно понимала Аниту и согласилась заехать к ней в «Мариотт».

Значит, договорились мы о встрече в номере Аниты. Я в ускоренном темпе провернула все запланированные дела и в гостиницу явилась точно к назначенному часу.

Еще по дороге, воспроизводя в памяти процесс мытья головы, накручивания волос на бигуди и сушки феном, пришла к выводу, что Анита не станет запирается, ведь не угадаешь, в какой стадии процесса я ее застану: с головой под струей воды или под завывающей сушкой, когда не услышишь стука или не сможешь оторваться. Поэтому я сразу настроилась, что попаду к подруге в номер беспрепятственно и даже не стала стучать. Разумеется, я угадала. Дверь Анитиногo номера подалась под моей рукой.

Я шагнула внутрь, в прихожую. Из ванной не доносилось никаких ожидаемых звуков — не лилась вода, не завывал фен. Полная тишина. Но в конце

концов, отель такого класса, как «Мариотт», должен иметь хорошую звукоизоляцию. Коридорчик упирался в очередную дверь, вероятно, в гостиную. Толкнув ее, я вошла, и...

И мечта моя осуществилась. Проклятый труп во всей красе лежал прямо посередине помещения.

Нет, я не наступила на него, даже не споткнулась, а замерла на месте, увидев на полу мужские ноги. Что мужские, это я поняла по размеру ботинок, ведь в наше время брюки ни о чем не говорят.

Постояв, я прошла вперед, не слишком испугавшись. Почему бы, действительно, и не лежать какому-то мужику на полу в номере Аниты? Может, пьяный, а может, ему просто так нравится. Испугалась, лишь подойдя поближе и увидев голову лежащего.

Точнее, полголовы, переднюю ее часть. Еще точнее — лицо, обращенное ко мне и украшенное на лбу аккуратной дырочкой. На мертвом лице застыло выражение дикого бешенства, и главным образом именно поэтому я вспомнила, где же видела покойника.

Не сразу вспомнила, добрых минут пять стояла как пень, не сводя глаз с мертвого лица, словно это было бог весть какое приятное зрелище, и копалась

в памяти. Получалось не очень... Наконец, очень неохотно, мозги заработали.

Ну конечно же, много лет назад я встречала этого человека. В двух местах, никак между собой не связанных. На бегах и в суде. На ипподроме я на него натыкалась много раз, в суде только однажды. Я тогда еще очень удивилась, увидев ныне убиенного в зале суда вот с таким точно бешено-яростным выражением на лице. Не знаю, в каком качестве присутствовал он на том процессе, но более идиотского дела и не припомню: бандит судился с психопатом, обе стороны с их защитниками несли полнейшую чушь, а двойное дно находилось наверняка в центре земного шара, до него никто так и не докопался.

С этим человеком я знакома не была, даже ни разу не разговаривала, а вот теперь он лежал посередине номера в отеле «Мариотт»... Господи, но где же Анита?! Только тут я ударилась в панику, представив, что она забилась где-то в угол с топором в руках. Нет, с пистолетом. Это больше соответствовало ее характеру.

Оторвавшись наконец от трупа, я осмотрела весь номер. Аниты не было, а ванная не только оказалась пустой, но и сияла перевозданной чистотой.

После уборки в нее явно не ступала нога человека. И рук тоже никто там не мыл.

Вернувшись в комнату, я опять обшарила ее всю, заглянув в шкафы и даже под кровать. Никого, только проклятый труп посередке.

Я немного успокоилась. Что бы здесь ни произошло, с Анитой ничего не случилось, а жертвой преступления на полу заниматься не буду, нет у меня времени. И желания. Ну, извещу я полицию о своей страшной находке — и застряну тут неизвестно на сколько, и что тогда? Не встречу с людьми, с которыми заранее договорилась, не успею в банк до его закрытия, не закончу обещанную на завтра статью, не увижусь с Анитой... Езус-Мария, куда же она подевалась?! Не похитили же ее, в самом деле?

Разве что это подруга уделала несчастного и быстро скрылась. Где же, черт побери, ее искать?

Спрошу внизу, в холле отеля, может, у администратора оставила мне какую записку.

Итак, я твердо решила — ухожу, а с трупом пусть возьмется те, кому положено. Вероятно, не очень разумное решение, но слишком некстати свалился на меня этот труп, некогда мне, пардон.

И вышла.

Осторожно закрыла за собой дверь. Еще подумала, что следов своего пребывания внутри не

оставила, ведь перчаток так и не сняла. И тут, тихонько закрывая дверь, непроизвольно глянула на табличку с номером. Блестящие цифры 2328. Значит, двадцать третий этаж. Холера!

И какая нелегкая занесла меня этажом выше? Я же отлично запомнила три двойки, с которых начинался номер Аниты, так какого же черта нажала в лифте на кнопку 23? Умственное затмение, факт. Только из-за него и ввалилась в совсем не нужный мне чужой номер с трупом. Никаких причин оказаться тут у меня не было, просто кнопку в лифте ткнула не ту, сама об этом не подозревая, значит, труп подложили не специально для меня. И не просто так он там лежал, украшение сомнительное, явно не в декоративных целях размещенное...

Все, хватит о жертве преступления, ясно — ко мне она не имеет никакого отношения, так нечего о ней и думать. Скорей к Аните!

Подругу я застала в ее номере, она как раз закончила мытье и приступила к сооружению прически.

Анита продолжала заниматься волосами и одновременно общалась со мной. Из-за жуткой спешки говорить нам пришлось хором, да еще и не очень слушая друг друга. Женщины это умеют, очень неплохо получается. Мы уложились в отведенные для встречи считанные минуты. Коротко поведали

о себе, я передала ей обещанные кассеты и тексты для перевода, она мне — посылку из Швеции, мы в темпе разрешили деловые проблемы, и настала пора прощаться. Я хотела упомянуть и о трупe, который лежал у Аниты над головой, да вовремя прикусила язык, хватило ума. Вдруг подруга где-то нечаянно сболтнет о нем, а тогда я сразу же становлюсь подозреваемой. Нет, на такие глупости жалко время тратить!

Распроставшись, я поспешила покинуть отель, старательно игнорируя второй этаж с его искушениями — казино и кафе.

По пути домой подумала, что неплохо было бы все-таки узнать о мотивах убийства этого человека, хотя его труп вряд ли нам пригодится, уж больно в неинтересных для нас кругах вращался покойный.

2

Утром Марта влетела ко мне в страшных нервах и как минимум за два часа до условленного срока.

— Знаю, знаю, что слишком рано, но меня подгонял труп. Не поверишь, наконец-то он появился!

Я невольно бросила взгляд на упитанного курчонка, которого как раз собиралась сунуть в духовку.

Каюсь, вчерашний покойник совершенно выветрился из моей головы. Марта проследила за моим взглядом и встревожилась:

— Он что, фаршированный? И небось начинка сладкая?

Я поспешила ее успокоить:

— Нет, горькая. Вернее, кислая. Точнее, полусладкая.

— Ну, тогда еще ничего. А мне достанется?

— Неужели ты полагаешь, я одна в состоянии такого слопать? И ты из-за этого фаршированного трупа примчалась ко мне ни свет ни заря? Так захотелось его отведать? А откуда ты вообще про него узнала?

Вздвогнув, Марта поежилась.

— Не смей употреблять слово «труп», если мне предстоит его есть! Нет, цыпленок тут ни при чем, я примчалась из-за настоящей жертвы убийства. Как раз для нас. Дай мне чего-нибудь хлебнуть, не видишь разве, как я потрясена! Что у тебя есть? Пиво, виски, коньяк? Все пропало! Сама себе загубила жизнь!

— Не ты первая, не ты последняя, — успокоила я свою темпераментную соавторшу, зная ее повышенную эмоциональность. Отрегулировала газ в духовке, сунула туда курочка. — Пиво в холодильнике,

можешь сама достать. Виски тоже. Найдется и коньяк, только не в холодильнике.

— Нет, я предпочитаю пиво.

Я достала из буфета стаканы и внимательно осмотрела Марту. Выглядит чудесно, по ней никак не заметишь, что жизнь ее пропала. Что вздрючена — это да, но такое с ней случалось часто. Правда, на сей раз взбудоражена больше обычного.

— Так что же стряслось?

— Ох, все! Я потеряла мужчину моей мечты, кажется, навсегда, а ходить перед ним на задних лапках не собираюсь, а без него жизнь не мила...

— погоди! Ты про кого говоришь? Уж не про Доминика ли?

— Ну да, про кого же еще!

Холера, надо же! Если замешан Доминик, значит, дело серьезное. Когда речь заходит о Доминике, моя Мартуся теряет всякую способность соображать, и теперь от нее никакого толку не добьешься. Этот Доминик давно уже сидит у меня в печенках. Какой номер он отколол на этот раз? Минутку, что там Марта бормочет?

— ...не выношу истерик и впредь не намерена, а вчера вечером я оставила его, он прекрасно знает почему, хотя и пыталась что-то солгать, а самое плохое — он ни словечка мне не сказал, но так

каменно молчал, аж мурашки по коже. Прямо как мертвый сделался, сил моих нет... И теперь я раздираюсь на две неравные половины...

— Половины всегда равные, — поучающе вырвалось у меня. И кто за язык дергал? Ведь я в этом не столь уж уверена.

— И вовсе не всегда! — вскинулась Мартуся. — Вот я изнутри на куски рвусь, и эти куски во мне так и летают, так и сталкиваются, как же равные? Нет, ты скажи, что мне, несчастной, теперь делать? Просто разрываюсь, прямо как в песне, дикая страсть бушует во мне, то тянет к мужу, то к жене...

— Да ты никак спятила?

— А я разве говорю, что нет?

Если честно, я очень хорошо понимала приятельницу. Мечется из-за мужика, с кем не бывает? Сама ведь испытывала подобное, на собственной шкуре.

И словно воочию увидела его красивое, мужественное лицо, его руки, запястья... Меня с такой непреодолимой силой тянуло прикоснуться к ним, взять в свои руки, прижаться щекой... И он склонен был ответить мне взаимностью, собственно, даже ответил, вот только странно как-то...

Между нами встало казино.